

РЕЦЕНЗИИ

В. В. Савчук

МИФЫ НАЦИИ

Неожиданно под обложкой книги* — черный ледерин со свастикой, — идеология дизайна которой была выработана в недрах «критики современной буржуазной философии», обнаружил основательный труд, посвященный двум главным мифам XX в. И что, быть может важнее, он исполнен с намерением ценностно-нейтральной интонации. На фоне старой и доброй ругательной традиции анализа истоков и идеологии фашизма данная работа исключительна.

Выход книги тем более актуален, что как раз накануне прозвучал призыв из самых высоких инстанций *изобрести* национальную идею России или, в контексте книги, национальный миф, полагая, что ее отсутствие делает рыхлым и непродуктивным любое социальное тело. Здесь уместно процитировать цитируемых: «Население, которому неведомы координаты своего политического существования, является обществом немых» (М. Грейффенхаген). Но поскольку эти координаты задаются социальным мифом, сила которого «является критерием того, имеет ли народ историческую миссию и пробил ли час его национального величия» (К. Шмитт), тем мифом, который обладает «колоссальной притягательной организующей и мобилизующей силой», то разговор о последних едва ли не самый насущный. И, как показывает опыт и реальность дня сегодняшнего, «изобрести по гранту» — еще куда ни шло, но внедрить национальную идею (этакую российскую мечту) и сделать ее общей для всех россиян — архисложная задача. Книга О. Ю. Пленкова может не только дать понимание того, как возможно формирование национальной идеи, но и помогает осознать цену, которую придется заплатить за продуктивность социального организма.

Читая книгу о возникновении и распространении мифов в Германии, трудно избежать параллелей. Ведь немцы и русские схожи не только склонностью к мазохизму и социализму, но и к тоталитаризму, что и вылилось в организацию лагерей и увлечение военными парадами. Кроме того, отечественному знатоку Леви-Строса и Ролана Барта будет несомненно полезно добавить к французскому немецкий взгляд на способ существования мифов и механизмы влияния их на исторические события.

Автор книги — О. Ю. Пленков, освобождаясь от привычных ругательных рефлексов, заявляет отказ от «обличительного и морализаторского тона», «естественного и обычного в книгах на подобные темы», и «максимальную терпимость к национальной культуре, традициям и побудительным мотивам людей» (с. 7). Но полностью и окончательно изжить их ему не удастся: как бы убоившись своей беспристрастной интонации, за которую его могли бы упрекнуть в симпатиях к национал-социалистической идеологии, он ограждает себя привычными клише: «нацистские скудоумные идеологические построения» (с. 40), «недалекие и примитивные антисемиты» (с. 287) или «творцы и адепты расового мифа удовлетворились дилетантскими, авантюристическими теориями» (с. 301) и т.д.

*Пленков О. Ю. Мифы нации против мифов демократии: Немецкая политическая традиция и нацизм. СПб.: Изд-во Русского христианского гуманитарного института, 1997. — 571 с.

Но что значит занять свободную от оценок позицию, которая производится не интеллектуальным, но нравственным усилием и является результатом вбирания крайностей своего народа как проявления *своих собственных* крайностей? Если в отношении к противоборству красных и белых наконец-то, в начале 1990-х, появилось чувство сострадания к жертвам и тех и других и понимание равной ответственности за гражданскую войну, то в отношении к противоборству консерваторов и демократов это предстоит еще сделать. Заслуга автора как раз в том, что он, по крайней мере на уровне мотивации к «академическому тексту», делает первые шаги в этом направлении. Другое дело, что О. Ю. Пленков излишне традиционно подошел к проблеме ответственности мыслителей того периода за формирование национал-социалистической идеологии, жестко разведя их на «правых» и «левых». О вине «левых» мы не найдем ни слова. Однако это был бы действительно *свежий* взгляд на проблему, тем более что он уже имеет место в науке. Так, немецкий исследователь Мартин Конитцер (Martin Konitzer) приводит доводы тому, что «Предательство интеллектуалов» относится к целому поколению. Это поколение, которое в середине нашего столетия хотело говорить и писать о «великом решении» (Entscheidung, Dezsion). Политическая принадлежность при этом не играла никакой роли: «предатели» были как на левой, так и на правой стороне политического спектра, были также и среди правых левые люди... Децизионистские движения и фальшивую восторженность решительности можно найти, например, и у В. Беньямина...».

В книге мы обнаруживаем эрудицию автора, точные и выверенные цитаты, характеризующие мысль мифотворцев нации (иногда, правда, найденные дотошными немецкими исследователями друг у друга). Привлекает попытка изложения философских и социально-политических воззрений Меллера ван ден Брука, Эрнста Юнгера, Карла Шмитта, которые прежде неразборчиво поминались все советскими и поминаются нынешними «демократически» ориентированными авторами — негативно, а радикально правым крылом политического спектра (журнал «Элементы» и т.д.) — позитивно. Неспециалисту историку данная книга вполне может послужить справочным изданием о ситуации и основных политических концепциях, которые использовались идеологами фашизма, зачастую вопреки идеологическим симпатиям их авторов,

Например, в разделе об Э. Юнгере мы не найдем плохого о нем слова, за исключением аккуратных высказываний об эстетстве и снобизме, которые вменяются проповеднику «нового рационализма». Но обнаружим привычные фразы о геройстве и литературном таланте. Эрнст Юнгер, видимо, пользуясь особой симпатией автора, подается под лексикой «хорошей советской прозы о Великой Отечественной войне»: «легендарный герой-фронтовик», «солдат войны», «на фронт он попал почти мальчишкой» и т.д. Однако в этом сказывается и горизонт автора, за границами которого остаются факты, свидетельствующие о невозможности вместить творчество немецкого писателя и интеллектуала в одну рубрику. И здесь О. Ю. Пленкову явно не удастся посмотреть шире привычных оппозиций право-левое, как не удастся втиснуть всего Юнгера хоть и в «грозовой» (1930-е гг.), но все же отдельно взятый период. Вспоминая слова Юнгера: «В странных мирах этого столетия развитие кажется уже недостаточным, скорее метаморфозы в смысле Овидия, мутации — в сегодняшнем смысле» (Junger E. Über die Linie), автора можно упрекнуть в нечувствительности к эволюции воззрений Юнгера, о котором из-

вестно, что, будучи в оккупированной Франции при штабе военного главкомандования, он творчески сотрудничал с известными французскими художниками и интеллектуалами и с риском для себя оказывал им помощь. В 1943 написал призыв «Мир. Обращение к молодежи Европы, обращение к молодежи Земли» (эта работа оказала влияние на немецких генералов из ближайшего окружения Юнгера, которые стали участниками в июне 1944 заговора против Гитлера). Автор упорствует в неизменности традиционных методов анализа, принятых в прошлом, когда фронт был один, а оппозиции — явны. Но сам Юнгер в дневниковых записях в Париже 1943 г. пишет: «Немецкая позиция... станет очевидной в случае поражения. Именно тогда отпадут вторичные преимущества и останутся только первичные, как преимущества чистого местоположения... Немецкий народ — это не народ «или — или», а «как — так и», Тогда он будет вновь иметь два пути вместо одного единственного, как сегодня, на котором он помешался. В этом случае от него будет зависеть, будет ли ориентироваться мир в XX в. на Восток или на Запад или возможен синтез» (Из дневниковых записей Э. Юнгера в Париже весной 1943 г.).

Юнгер в политическом отношении всегда придерживался позиции «стороннего наблюдателя», хотя в предвоенные времена, на что указывает О. Ю. Пленков, и правые и левые настойчиво его ангажировали. Важно, однако, что взгляд его не был равнодушен к судьбе своего народа и его истории. Его принципом было бесстрашное, честное служение своему Отечеству и сохранение лучших его культурных традиций. Юнгер один из первых заявил о тотальности господства мифа в модерне, об опредмечивании отдельного человеческого бытия, и называть его в ряду творцов конкретного мифа — по меньшей мере односторонне.

Автор вряд ли ставил перед собой цель осознать метафизическую укорененность политических явлений и мифов XX в. в истории человечества и проследить внутренние связи ядельных событий в совершенно различных областях жизни. Поэтому вполне справедливо, что он ограничился рассмотрением одной грани творчества Юнгера, отвлекаясь от его художественного творчества, философских эссе, касающихся важнейших проблем XX в. — ускорения времени, формирования нового типа людей в век техники, господства нигилизма, распространения наркотиков, забвения боли.

Заметно, что О. Ю. Пленков подходит как бы изнутри немецкой культуры, что, впрочем, и понятно, он использует главным образом немецкоязычные источники и, следуя словам, вынесенным им в эпиграф, «с симпатией и любовью». Однако это имеет и свою оборотную сторону: если исследователь немец, то он «безусловно честный человек, как Г. фон Тейчке», если он француз, как, например, Жорж Сорель, то излагается по немецкому исследованию, как, впрочем, и Антуан де Сент-Экзюпери. Завороженный взвешенным и политкорректным немецким взглядом он «избавлен» от французской или англосаксонской традиции анализа. Его замечание о том, что ни в одной англосаксонской стране фашизм не имел распространения, повисает в воздухе, так как исчерпывается констатацией. Компаративистское и кросскультурное рассмотрения неведомы автору.

О. Ю. Пленков пытается *анализировать загадку* победы тоталитарной идеологии гитлеровского нацизма в «слишком культурной для фашизма, по словам Муссолини, стране». Слова Муссолини, вынесенные вторично в аннотацию книги, кажутся автору серьезной находкой в исследовании феномена немецкого фашизма. Странно однако то, что исследователь так доверчиво относится к словам Дуче, кото-

рый не числится ни среди видных теоретиков, ни даже политологов, «Не всякая рыба ихтиолог», — говорил академик И. А. Орбели. Да и сама задача «анализировать загадки» выдает в авторе более последователя Проппа, чем исследователя немецкой политической традиции. В конечном итоге, как показали послевоенные исследования Т. Адорно и М. Хоркхаймера, культура и фашизм при *известных условиях* вполне совместимы. Видимо поэтому в концепцию О. Ю. Пленкова не вписывается М. Хайдеггер, причастность мысли которого к делу фашизма — весьма дискуссионный вопрос по сей день.

Анализируя истоки немецкого антисемитизма, автор пытается отделить/обелить его утверждением, что он «никакого отношения к нацистскому антисемитизму не имел» (с. 287). Во всем виновен «австрийский, венский антисемитизм», так как фюрер был австрийцем. О. Ю. Пленков, дабы придать весомость и глубину понимания существа дела авторам, которых он цитирует, постоянно *оговаривается* в таких словах: «к тому же автор был сам еврей» (с. 284), «Вальтер Ратенау, сам будучи евреем, говорил о восточных евреях», Ханна Арендт, «философ и публицист еврейского происхождения» (с. 266), а если исследователь не немец и не еврей, то он — «некий англичанин» (с. 290). Впрочем, дело не столько в данном исследовании, поддержанном, кстати сказать, Российским гуманитарным научным фондом (РГНФ), сколько в принципиальной возможности разделения/противопоставления взгляда снаружи и изнутри. Нет нужды вспоминать вновь Орбели, но априори полагать большую достоверность и теоретическую глубину суждений у авторов определенной национальности по меньшей мере ненаучно. И в этом я вижу стереотипы и фиксации нашего общества, которые реализуются в тексте с такой же однозначностью, с какой проговариваются масс-медиа в таких выражениях, как «инвалид по зрению» или «лица кавказской/еврейской национальности».

Кроме дизайнерских *находок* анонимного коллектива «Предприятия Санкт-Петербургского Союза художников», по-видимому считающего себя правопреемником советского стиля, необходимо отметить особенности издательства Русского христианского гуманитарного института. В книге отсутствует, например, приличествующее монографии раскрытие инициалов. Если автора, «несколько лет читающего лекции в Педагогическом университете Санкт-Петербурга», студенты знают и в лицо, и по имени отчеству, то книга, выпущенная тиражом в 2 тыс. экз., претендует на более широкий круг. Нелишними были бы и сведения о нем. Книга несвободна от банальных опечаток и небрежностей: начало параграфа об Э. Г. Юнгере, например, читатель тщетно будет искать на указанной в содержании книги странице, и т. д. и т. п.